

А. Б. Соколов

**Культура придворного общества при Людовике XIV:
точка зрения А. Н. Савина**

В статье рассматривается труд А. Н. Савина «Век Людовика XIV», в основе которого курс лекций, прочитанный этим историком в 1912–1913 гг. в Московском университете, в частности те его разделы, в которых дана характеристика придворного общества и его культуры. Переиздание данного труда Савина в 1930 г. связывается с усилением внимания в советской историографии к проблемам западноевропейского абсолютизма, с одной стороны, и со стремлением ряда историков, учеников Савина, придать значимость его исследованиям в марксистском историографическом дискурсе – с другой. Анализ взглядов Савина на жизнь придворного общества при Людовике XIV осуществлен на основе сопоставления с новейшими подходами, начало которым положил Н. Элиас, осуществляемыми в рамках социокультурных исследований, в том числе в нашей стране. Проведенное сравнение показало, что, будучи эмпириком, Савин склонялся к социальной истории, однако дальше критического описания придворных нравов он не шел. Преимущественно негативные оценки двора Людовика XIV Савин объясняет его либеральными политическими идеями в контексте общественных противоречий в России накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Савин, придворная культура, Людовик XIV, нравы и мораль.

А. В. Sokolov

Culture of Court Society during the Reign of Louis XIV: A. N. Savin's Point of View

The work of A. N. Savin «The Age of Louis XIV» is regarded in this article, and in particular the chapter in which the court society and culture are characterized. This work is based on the course of lectures, which was read by this historian in Moscow University in 1912–13. The new edition of this book in 1930 is explained by the growth of attention to the problems of the Western-European absolutism in the Soviet historiography, on the one hand, and the desire of some historians, Savin's learners, to give importance to his works in the Marxist historiographical discourse, on the other hand. The analysis of the views of Savin is made on the basis of the comparison with new tendencies in sociocultural studies, both in Russia and abroad, which was started by N. Elias. This comparison shows that Savin, being an empiricist, inclined to social history, but never did more than critical description of the court morals. Predominantly negative remarks of Savin about the court of Louis XIV are understandable in the context of his liberal political ideas and contradictions in the Russian society on the eve of the World War I.

Keywords: Savin, court culture, Louis XIV, manners and morals.

Долгое правление короля Франции Людовика XIV (1643–1715) всегда привлекало внимание историков, ибо в нем видели апогей и расцвет абсолютизма в этой стране и классический образец для континентальной Европы в эпоху Старого порядка. После смерти своего наставника кардинала Мазарини в 1661 г. молодой король заявил о намерении править самостоятельно и якобы сказал: «Государство – это я». Сегодня большинство историков считают эти слова мифом. Даже если так, это удобный миф, в течение десятилетий лежавший в основе представлений о бюрократической системе, созданной Людовиком XIV. Известный советский историк и дипломат Ю. В. Борисов в книге, написанной в годы перестройки, рассказывал о посещении Версаля в кампании французского историка Альбера Коти, упомянувшего о «набившем всем в Советском Союзе оскомину термине: административная система». Он писал: «Во Франции в изощренном

виде ее создал именно Король-Солнце. Для меня его приоритет неоспорим. Нет, я не стою на позициях безумного национализма, которому все равно, чем похвалиться: был бы повод для национального чванства. Решал, изрекая мудрости в последней инстанции, Его Величество. Государственный и другие советы являлись при нем консультативными органами. Король, разумеется, прислушивался к мнению министров, членов своей семьи, фаворитов и фавориток. Но он твердо стоял на вершине пирамиды власти. Все управление страной было жестко централизовано» [2, с. 7]. Эти слова представляют квинтэссенцию традиционного для историографии понимания абсолютизма, к чему можно присовокупить лишь утверждения об агрессивности внешней политики Людовика XIV, о его стремлении к установлению гегемонии в Европе, подорванном в неудачах войны за испанское наследство.

В последние десятилетия прежний интерес к эпохе Людовика XIV сохранился, но господствующая форма, в которой он проявляется, стала иной. С формированием в последней четверти XX столетия такого историографического направления, как новая культурная история, произошло смещение от социально-экономической проблематики к политической культуре. Главным предметом исследований историков французского абсолютизма стало изучение политических смыслов культурного пространства придворного общества при Людовике XIV в их символическом значении. В центре внимания оказались разнообразные аспекты культуры: балет и участие в представлениях самого короля; живопись; этикет и церемониал; Версаль и его влияние на придворное общество, развлечения придворных и т. д. В проявлениях репрезентативной культуры (термин, широко использующийся в современной историографии) историки обнаруживают властные установки и механизмы их реализации. При этом подчас происходит переосмысление культурной символики. Английский автор Н. Хеншелл отмечал: «В последние годы историки начали изучать этикет, маски, карнавалы, балеты и официальные процессии с их неперменной аполлоновской символикой в качестве альтернативных форм политического дискурса, представляющего монархию зрителям, жаждавшим зрелищ» [10, с. 48].

Современный российский историк, изучающий придворную культуру при Людовике XIV, так трактует образ «короля-солнце»: «Тиражируя посредством балетных постановок идею гелиоцентрической системы мира с единственным светилом – Солнцем – в ее центре, Людовик XIV сумел создать новую систему королевского двора, подчиненной исключительно королевской воле (государственному интересу). Отныне в центре был только монарх, а членам королевской семьи, принцам, грандам и придворным отводились роли спутников главного светила» [9, с. 51]. Иную интерпретацию этого образа дал видный российский историк В. Н. Малов: «Символ Людовика: “Король-Солнце”. Что это, самообожествление, как часто и понимается? Но король сам объяснил, почему он выбрал этот образ. Солнце, а это традиционный образ монарха, – для него пример для подражания, ибо Солнце – неустанный труженик и источник справедливости. Его характеристики из “Мемуаров” Людовика XIV – “оно правомерно и справедливо распределяет свой свет между всеми частями мира”; “оно не-

устанно движется, а между тем всегда спокойно”; “оно никогда не уклоняется от своего пути” – в общем, целая программа поведения для молодого монарха. Как ни странно, вспоминается разговор Маяковского с Солнцем, хотя, конечно, пролетарский поэт никак бы не мог представить себе, что задолго до него как пример вечного труженика брал себе в образец один из презираемых им “бесчисленных Людовиков”. А кроме того, для Людовика отсутствует мотив Солнца, сжигающего непокорных, мотив Аполлона-стреловержца; его идеал – спокойное, уравновешенное правление» [4, с. 138]. Это сравнение между двумя историками показывает, что различие в интерпретации образа, приписываемого себе королем, меняет смысл политических идей, заложенных в основание его царствования.

Для перехода к изучению политической культуры в эпоху Старого порядка существовали историографические предпосылки. В 1924 г. Марк Блок, ставший через несколько лет одним из создателей исторической школы Анналов, опубликовал книгу «Короли-чудотворцы», в которой одним из первых исследовал феномен коллективных представлений, называемый еще ментальностью. Он изучал веру, сохранявшуюся до второй четверти XIX в., в то, что прикосновение короля излечивает от золотухи. В книге Эрнста Канторовича «Два тела короля» (1957) разработана вытекающая из средневековых сочинений концепция двух тел монарха: физического и политического, оказавшая стимулирующее воздействие на изучение абсолютизма в раннее новое время, в том числе в работах Э. Леруа-Ладюри. Телесным практикам, направленным на формирование образа власти, придавался определенный политический смысл. Однако наибольшее влияние на изучение культуры придворного общества при Людовике XIV сыграла книга известного немецкого историка Норберта Элиаса «Придворное общество», которую сам автор назвал социологическим исследованием коммуникативных процессов при французском дворе. Он считал неприемлемым рассматривать вопрос о полноте власти Людовика XIV с позиций его «абсолютной свободы» или «абсолютной детерминированности»: «Люди двора были связаны между собой своеобразными формами принуждения, которое они и посторонние оказывали друг на друга и одновременно сами на себя. Их связывала между собой более или менее строгая иерархия и четкий этикет» [11, с. 50].

Иерархия проявляла себя во всех сторонах жизни двора, в том числе в жилище, особенно в этикете и церемониале. Каждый церемониальный акт, равно как форма или украшение жилища, становились, по Элиасу, фетишем престижа. Известный английский историк П. Берк, посвятивший свой труд тому, как посредством ритуалов и искусства формировался образ великого монарха, указывал, что уже современники признавали: «физическое впечатление оказывает большее воздействие, чем язык, адресованный интеллекту и разуму». Берк отмечал роль немецкого социального антрополога Эрвинга Гофмана, подчеркивавшего роль самовыражения в повседневной жизни и как части политической культуры [12, с. 7–8].

После обстоятельного введения, в котором, надеюсь, удалось обозначить в общих чертах характер изменений в историографии французского абсолютизма при Людовике XIV, обратимся, наконец, к Александру Николаевичу Савину, видному русскому историку, знатоку европейской, прежде всего, британской истории. Он – автор фундаментальных исторических исследований, посвященных аграрному развитию Англии при Тюдорах, политике секуляризации во время Реформации. В методологическом отношении Савин – позитивист и эмпирик, скрупулезно анализирувавший «точные» исторические факты, но избегавший обобщений; в идеологическом – сторонник либерально-кадетской линии. Наиболее известные лекционные курсы, прочитанные им в Московском университете, – это «Лекции по истории Английской революции» и «Век Людовика XIV». Нам уже приходилось писать о методологических воззрениях Савина и его «Лекциях». В настоящей статье рассматривается «Век Людовика XIV». Этот курс был прочитан в 1912–13 учебном году и был сразу издан, но не автором, а студентами, тщательно собравшими его по своим записям. Издатели сочли нужным указать, что текст Савиным не редактировался [6]. Это следует принять во внимание. В первый выпуск вошли темы «Политическая литература века Людовика XIV», включившая лекции 1–3; «Король и двор» (лекции 4–5); «Французское дворянство в царствование Людовика XIV»; «Центральное управление» (лекции 7 и 8). Во втором выпуске представлены темы «Правительство и местные силы»; «Политическая и хозяйственная деятельность Кольбера» (лекции 10 и 11); «Государственное хозяйство Франции» (лекции 11 и 12); «Войска и флот Людовика XIV»; «Внешняя по-

литика Людовика XIV»; «Отношение к королю и династии»; «Беспорядки при Людовике XIV» (лекции 13 и 14); «Религиозная политика Людовика XIV. Протестанты» (лекции 14–16); «Католическое возрождение в XVII в.» (лекции 16–18); «Франция во вторую половину царствования Людовика XIV» (лекция 18); «Оппозиционная литература» (лекции 18–19); «Последние годы Людовика XIV». Как видим, с точки зрения анализа Савиным вопросов придворной культуры особое значение имеют разделы «Король и двор», «Французское дворянство в царствование Людовика XIV», а также характеристика этим историком политической литературы.

Примечательно, что в 1930 г. «Век Людовика XIV» А. Н. Савина был опубликован Государственным издательством РСФСР, при этом редакторская правка была минимальной и коснулась в основном структуры сочинения (прежние шестнадцать тем, изложенные в двадцати лекциях, были объединены в 12 разделов); также ряд имен, названий и цитат были даны теперь на русском языке [7]. В пояснении редакции отмечалось, что в основу положен литографированный экземпляр, отчасти исправленный самим Савиным. Другие исправления были внесены на основе статьи историка «Политическая оппозиция в литературе великого века», опубликованной в 1913 г. в «Журнале Министерства народного просвещения». Сам факт переиздания труда Савина требует осмысления. С одной стороны, нельзя сбрасывать со счетов того, что ряд учеников Савина, ставших известными советскими историками, прежде всего Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, В. М. Лавровский, неустанно заботились о посмертной репутации своего учителя (Савин скончался в начале 1923 г.). Они стремились по мере сил «вписать» его в марксистский исторический дискурс, не без успеха обеспечив ему менее критические оценки, чем те, которые давались другим русским позитивистским историкам начала XX в., придерживавшимся, как и Савин, либерально-кадетских взглядов (например, П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, И. В. Луцицкий). Разумеется, при этом неизбежной была доля критики Савина с позиций марксистской историографии. Так, в предисловии издательства говорилось, что он не владел марксистским методом, хотя и относился к Марксу с «величайшим уважением», поэтому начинал с «надстройки»; Савин – эмпирик и не делает правильных марксистских выводов; он излишне подробно разбирает религиозные во-

просы, но уделяет мало внимания крестьянам и народным движениям [7, с. 3–6].

С другой стороны, переиздание сочинения Савина отражало процессы, происходившие внутри советской историографии. Собственно, в анонимном издательском предисловии оно объяснялось не только «добросовестной исследовательской работой» Савина, но и тем, что «литература по западноевропейскому абсолютизму настолько бедна, что было бы ошибкой не использовать возможность ее пополнения весьма доброкачественным материалом» [7, с. 3]. Тюменские историки С. и Т. Кондратьевы убедительно доказали: вопрос о французском абсолютизме имел ключевое значение для развития советской медиевистики второй половины 1920-х – начала 1950-х гг. [3]. На рубеже 20–30-х гг. актуальность проблемы вытекала из дискуссий по поводу «торгового капитализма», усиления внимания к концепции классово-борьбы и вопроса о применимости термина «старый порядок». К сожалению, Кондратьевы не упомянули о «Веке Людовика XIV», хотя приведенный ими материал свидетельствовал, что публикация этой книги не могла не быть связанной с завязавшейся во второй половине 1920-х гг. дискуссией об абсолютизме. Хотя в книге отсутствует имя редактора или публикатора, можно предположить, что им мог быть С. Д. Сказкин. Он был тогда непосредственно вовлечен в начавшуюся дискуссию, еще в 1925 г. издав хрестоматию «Старый порядок во Франции», причем именно в Государственном издательстве РСФСР. Реклама в книге Савина свидетельствовала, что приобрести эту книгу можно было и в 1930 г. Кондратьевы указывали, что после 1925 г. Сказкин не использовал термин «старый порядок», который первоначально понимал как синоним абсолютизма [3, с. 33]. В 1930-х гг. термин «старый порядок» был, как известно, «приговорен» самим Сталиным, написавшим в конспекте учебника по новому времени, что любой буржуазный порядок является старым. Однако в книге Савина 1930 г. это словосочетание неоднократно использовалось и не было исключено в ходе редакторской правки.

В данной статье рассматривается характеристика, которую давал Савин двору Людовика XIV, а также то, как его взгляд соотносится с представлениями ряда современных исследователей, рассматривавших эту тему. Особенность соответствующих разделов книги Савина заключается в том, что они богато наполнены эмпирическим материалом, свидетельствами, взятыми

из источников. За многочисленными фактами собственное мнение историка не всегда подчеркивается, в чем, собственно, вообще заключается специфическая черта его стиля, обнаруживающаяся и в «Лекциях по Английской революции», и даже в монографических сочинениях. Тем не менее, общая направленность оценок Савина очевидна: у него явно преобладает тенденция к «обличению» нравов двора, в целом негативная характеристика его правления. Так, он завершал книгу выводом, будто за время правления Людовика XIV «серьезно убавилась жизнеспособность» французского абсолютизма, и несмотря на положительный толчок к развитию промышленности при Кольбере, царствование этого короля «вреда принесло Франции не меньше, если не более, чем пользы. Вреда было много, и вреда разного. Всего хуже было то, что Людовик XIV и разорил страну своей великодержавной политикой. И эта разорительность абсолютистского порядка была особенно чувствительной потому, что сопровождалась падением общественной самостоятельности, торжеством бюрократического начала» [7, с. 234]. С моей точки зрения, такой подход был, по крайней мере, отчасти, продиктован временем, когда Савин читал свой курс в Московском университете, и его политическими либеральными взглядами. В нем видна завуалированная критика царского режима и содержался недвусмысленный намек на его разложение.

Обратим, прежде всего, внимание на источники Савина. Пожалуй, его можно критиковать за использование метода, который английский историк Р. Коллингвуд называл «методом ножниц и клея», то есть за интерес к источникам, подтверждающим его концепцию. Одним из важных свидетельств о «грязной стороне придворной жизни» для Савина является переписка «второй мадам», жены брата Людовика Елизаветы-Шарлотты Орлеанской, происходившей из Пфальца: «Она так и осталась немкой, неловко чувствовала себя при дворе, считая свой народ представителем высшей, чем французы, расы. Принцесса часто жалуется в своих письмах на неделикатность выражений и действий при дворе, на доведенную до крайности публичность придворной жизни» [7, с. 46]. У Елизаветы Пфальцской Савин черпает многие сведения о французском королевском дворе. Между тем современный биограф Людовика XIV сообщает: «Из этих писем Мадам к ее тевтонской родственнице можно было заключить, что Франция – фривольная страна, а Версаль – средоточие вся-

ческих пороков... Информация, почерпнутая из ее писем, совершенно не может внушать доверие: версальский двор в них выглядит то ультра-религиозным, то потерявшим всякую нравственность» [1, с. 423].

Савин концентрировал внимание на повседневной жизни двора, не придавая большого значения его социальным функциям. Он признавал, что придворные нравы давали возможность говорить о «жизни торжественной, пышной, величественной», даже рассматривать его как «колыбель хорошего просвещенного тона», и в то же время подчеркивал, что «она не однотонная. Она не только красива, но и безобразна, не только изысканна, но и груба, отличается не только упорядоченностью, но извращенностью, преступностью» [7, с. 46]. Савин фактически упускает из виду: «несмотря на то, что культурный блеск и раболепный церемониал представляли собой тщательно продуманную политику, они служили лишь декорациями при осуществлении основной задачи королевской власти – управления элитой. Поэтому при дворе должна была быть представлена вся элита. Двор Людовика XIV притягивал людей самых разных убеждений, а не только тех дворян, которые выражали согласие с действиями правительства» [10, с. 48].

В разделе курса лекций Савина, посвященному двору, негативные оценки явно преобладают над положительными характеристиками и даже над нейтральными суждениями. Центральное место он придает лести, пронизывавшей всю жизнь придворного общества. Собственно, он и начинает следующими словами: «Нам еще придется познакомиться с атмосферой безудержной лести, в которой жила придворная и не придворная Франция». В доказательство приводилось высказывание Ж. де Лабрюйера, свидетельствовавшего, что даже в храме вельможи обращены не к богу, а к королю» [7, с. 37]. Савин признавал, что льстивое восхваление Людовика могло быть искренним, например, в частной переписке г-жи де Севинье [7, с. 40]. Между тем мнение Савина о лести в придворной культуре небесспорно. Недаром французский историк Блюш замечает: «Пусть эти дифирамбы не удивляют. Двадцатый век был свидетелем гораздо более странных и непомерных восхвалений главам государств, которые не стоили Людовика XIV. Кстати наши предки не возводили это в некую философию. Диккенс как-то хорошо сказал, что большинство из них были наделены «органом почитания» [1, 185]. Кроме того, «фимиами – средство нацио-

нальной, а не только королевской пропаганды». Блюш также подчеркивал, что король и сам был мастером составления хвалебных речей, и «похвальное слово королю должно всегда оставаться, каким бы льстивым оно ни показалось, в определенных разумных рамках». Хотя придворные и писатели, особенно после 1686 г., стремились перещеголять друг друга в возвеличивании короля, сам Людовик не был падок до лести, и однажды сказал Корнелю: «Я очень доволен, я вас похвалил бы еще больше, если бы вы меня хвалили меньше» [1, с. 185–186]. О негативном отношении монарха к лести и пустой похвале, ссылаясь на его переписку, пишет современный российский историк: «Не отдавайте больше предпочтения тем, кто вам льстит», – советовал Людовик своему внуку Филиппу Анжуйскому, ставшему в 1700 г. королем Испании. То, что мы порой принимаем за лесть, – не более чем привычный для эпохи Барокко стиль общения, особенности частной переписки и передачи информации. Поэтому любой заслуженный, но, на наш взгляд, высокопарный комплимент современника в адрес короля (говорится о танце или о чем-нибудь другом, не важно) нами, людьми XXI в., зачастую воспринимается как грубая лесть и угодничество» [8, с. 130]. К этому приходится добавить, что «орган почитания», о котором писал Диккенс, не стал атавизмом и в иные, позднейшие времена.

Отмечая «грубое, позорное, даже преступное» в жизни королевского двора, Савин выделял, в частности, карточные игры, которым предавались с азартом, когда «слышались истерические крики проигравшихся и звериные завывания более счастливых». Нередки были игроки с крапленными картами [7, с. 47]. Савин подчеркивал: известный мемуарист Сен-Симон специально отмечал, «что такого-то никогда не подозревали в нечестной игре». Однако, как пишет Блюш, стремление представить двор в виде игорного дома ошибочно: «На самом деле все гораздо проще. Людовик XIV запретил дуэли целым рядом эдиктов и ввел за их нарушение очень строгое наказание. Он не поощряет ни любовь по-итальянски, ни (со времени своего второго брака) адюльтер. По его распоряжению сократилось даже количество самых невинных представлений. Существует не так уж много способов привлечь знать ко двору, удержать ее, предоставить ей в достаточной мере развлечения и держать ее вдали от заговоров и интриг. Ей надо позволить и даже предложить не слишком аморальное раз-

влечение, которое не надоест, а порой даже может захватить» [1, с. 418]. Кроме карт, Савин указывал на такие черты придворной повседневности, как карлики и шуты, «в том числе породистые», постоянный страх быть отравленными, «соблазнительные анекдоты о многих высокопоставленных принцессах». Впрочем, Савин оговаривался, что о достоверности таких рассказов судить трудно: «Фактом является во всяком случае то, что оно (общество. – А. С.) было не лучше других» [7, с. 48].

Савин осуждал излишнюю публичность церемоний, в том числе относившуюся к сугубо частной, даже интимной сфере. Он писал: «Вся жизнь короля и его семьи проходит на глазах придворных. И степенью близости отношения к королю измеряется удельный вес придворного человека. Это расплата за то обаяние, которым пользуется монарх в глазах придворных. Ему трудно укрыться от любопытных глаз. Попытки его скрыться от посторонних глаз даже в самой интимной жизни оказываются мало удачны. Самые интимные стороны династической жизни проходят на глазах у всех. На глазах у всех рождают, венчаются, заводят любовниц, умирают. Конечно, известная публичность жизни должна быть уделом коронованных особ. Так, например, появление на свет новых членов королевской семьи должно быть обставлено публичностью. Раз это рождение дает право на престол, то должна быть установлена легитимность рождения. Но роды принцесс французского двора происходят слишком публично, и в условиях, слишком тягостных для женской стыдливости, слишком вредных для женского здоровья. И умирали публично среди большой и шумной толпы» [7, с. 51]. То, что Савин считал, фактически, нарушением границ частного и публичного, в современной историографии рассматривается как норма, вытекающая из положения, занятого особой монарха в системе французского абсолютизма.

Современный российский исследователь М. Неклюдова пишет: «Устройство двора не подразумевало различия публичной и частной сферы. Поскольку король являлся воплощением государства, его физическое тело было столь же публично, как и политическое. Этикет не видел разницы между самыми интимными (с точки зрения более поздней культуры) телесными функциями и публичными жестами: и те и другие помогали поддерживать общественную структуру» [5, с. 61]. Она замечала, что в зрелые годы и в старости Людовик XIV стремился огра-

ничить доступ к собственной персоне, но «никакая сила не была способна сделать пространство вокруг него частным» [5, с. 62]. Как разъяснял Блюш, из всех способов предстать перед очами короля самым «верным» было присутствие на его утреннем туалете. Однако церемониал строго регламентировал, кто и в какой из «заходов» мог быть допущен. Элиас подчеркивал социальный характер церемониала во время утреннего туалета короля: «То, что король снимал свою ночную рубашку и надевал дневную, было, без сомнения, функционально необходимо; но в общественном контексте это событие тут же наполнялось другим смыслом. Король превращал его в привилегию для участвовавших в этом действии знатных особ, отличавшую их от других... Каждый акт в ходе этой церемонии имел точно определенную по рангу ценность, которая сообщалась участвующему в нем лицу, и ценность такого акта – надевания рубашки, первого, второго или третьего посещения и т. п. – в известной степени приобретала самостоятельное значение» [11, с. 108]. Элиас называл данную функцию *фетишем престижа*, служившим указателем позиции человека в балансе власти между придворными. При этом сам Людовик имел возможность контролировать и регулировать данный баланс, являвшийся, следовательно, крайне неустойчивым. Хотя весь этот этикет сохранялся до времен Французской революции, но бремя его, как свидетельствуют источники, несло против воли, по той причине, что к нему было привязано социальное существование вовлеченных в его исполнение людей. Элиас писал: «Возможность, к примеру, идти впереди другого или сидеть там, где он должен был стоять, а кроме того, глубина приветственного поклона, любезность приема у других и т. п. были вовсе не формальностью... Восхождение или падение в этой иерархии означало для придворного человека столько же, сколько значит для купца прибыль или убыток в его торговле» [11, с. 119].

Проведенное историографическое исследование показало отличия подхода Савина к придворной культуре в эпоху Людовика XIV от культурно-исторических подходов, сложившихся в современной историографии. Обратившись к социальным аспектам истории Франции, в описании двора он ограничился преимущественно негативными характеристиками нравов придворного общества. Такой подход вытекает, в частности, из его либеральных политических взглядов в

контексте общественных противоречий в России накануне Первой мировой войны.

Библиографический список

1. Блюш, Ф. Людовик XIV [Текст] / Ф. Блюш. – М.: Ладомир, 1998. – 816 с.
2. Борисов, Ю. В. Дипломатия Людовика XIV [Текст] / Ю. В. Борисов. – М.: Международные отношения, 1991. – 384 с.
3. Кондратьев, С. В., Кондратьева, Т. Н. Наука «убеждать», или споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века) [Текст] / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева. – Тюмень: Мандр и @, 2003. – 272 с.
4. Малов, В. Н. Психологический портрет Людовика XIV [Текст] / В. Н. Малов // Европейские монархии в прошлом и настоящем / редколлегия: Е. В. Котова, А. С. Намазова, Г. С. Остапенко, С. П. Пожарская, Н. В. Попов. – СПб: Алетейя, 2001. – 137–141 с.
5. Неклюдова, М. С. Искусство частной жизни. Век Людовика XIV [Текст] / М. С. Неклюдова. – М.: ОГИ, 2008. – 440 с.
6. Савин, А. Н. Век Людовика XIV. Вып. I–II [Текст] / И. М. Савин. – М.: Издание общества взаимопомощи студентов-филологов при А. Н. У., 1913. – 248+253 с.
7. Савин, А. Н. Век Людовика XIV [Текст] / А. Н. Савин. – М.: Государственное издательство, 1930. – 248 с.
8. Сидоренко, М. А. Уход со сцены Людовика XIV [Текст] / М. А. Сидоренко // Вопросы истории. 2014. – № 8. – 124–140 с.
9. Сидоренко, М. А. Музыка Жана-Батиста Люлли и монархия Людовика XIV [Текст] / М. А. Сидоренко // Новая и новейшая история. – 2015. – № 1. – 50–60 с.
10. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма [Текст] / Н. Хеншелл. – СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
11. Элиас, Н. Придворное общество [Текст] / Н. Элиас. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.

12. Burke P. The Fabrication of Louis XIV. New-Haven: Yale University Press, 1992. – XIV+242 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bljush, F. Ljudovik XIV [Tekst] / F. Bljush. – М.: Ladomir, 1998. – 816 s.
2. Borisov, Ju. V. Diplomatiya Ljudovika XIV [Tekst] / Ju. V. Borisov. – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. – 384 s.
3. Kondrat'ev, S. V., Kondrat'eva, T. N. Nauka «ubezhdat'», ili spory sovetских istorikov o francuzskom absoljutizme i klassovoj bor'be (20-e – nachalo 50-h gg. HH veka) [Tekst] / S. V. Kondrat'ev, T. N. Kondrat'eva. – Tjumen': Mandr i @, 2003. – 272 s.
4. Malov, V. N. Psihologicheskiy portret Ljudovika XIV [Tekst] / V. N. Malov // Evropejskie monarhii v proshlom i nastojashhem / redkollegija: E. V. Kotova, A. S. Namazova, G. S. Ostapenko, S. P. Pozharskaja, N. V. Popov. – SPB: Aletejja, 2001. – 137–141 s.
5. Nekljudova, M. S. Iskusstvo chastnoj zhizni. Vek Ljudovika XIV [Tekst] / M. S. Nekljudova. – М.: OGI, 2008. – 440 s.
6. Savin, A. N. Vek Ljudovika XIV. Vyp. I–II [Tekst] / I. M. Savin. – М.: Izdanie obshhestva vzaimopomoshhi studentov-filologov pri A. N. U., 1913. – 248+253 s.
7. Savin, A. N. Vek Ljudovika XIV [Tekst] / A. N. Savin. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. – 248 s.
8. Sidorenko, M. A. Uhod so sceny Ljudovika XIV [Tekst] / M. A. Sidorenko // Voprosy istorii. 2014. – № 8. – 124–140 s.
9. Sidorenko, M. A. Muzyka Zhana-Batista Ljulli i monarhija Ljudovika XIV [Tekst] / M. A. Sidorenko // Novaja i novejschaja istorija. – 2015. – № 1. – 50–60 s.
10. Henshell, N. Mif absoljutizma [Tekst] / N. Henshell. – SPb.: Aletejja, 2003. – 272 s.
11. Jelias. N. Pridvornoe obshhestvo [Tekst] / N. Jelias. – М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 368 s.
12. Burke P. The Fabrication of Louis XIV. New-Haven: Yale University Press, 1992. – XIV+242 p.